

Перед войной

В конце 1940 года часть, в которой служил мой муж Мажаров Федор Семенович в звании политрука, была переведена в Латвию, в Лиепая (тогда Либаву), и в октябре 1940 года он с частью уехал в Латвию. За мной с сыном Славиком, которому было 5 лет, он приехал в первых числах января 1941 года и 9 января мы выехали из Ленинграда в Латвию. С Ленинградом я расставалась очень тяжело, было какое-то тяжелое предчувствие, и я очень плакала.

Война

В первый же день войны, вечером неожиданно приходит машина уже с женщинами и детьми - семьями военнослужащих нашего дивизиона. Вошел офицер (это был отец Вити Мухамедова) и матрос. Я им заявляю, что я остаюсь ждать мужа. Тогда Мухамедов сказал в категоричной форме: «Вам приказано ехать!». Привезли нас на товарную станцию, но опоздали на 5 минут, товарник ушел. Состав этот пошел под откос.... Одну беду миновали. Нас привезли обратно в город.

Началось наше отступление - прорыв из Лиепая. А для меня на последнем месяце беременности начался особый вид «спорта»: бежать за машиной, залезать, спрыгивать с машины, ползти и т.д. Благо, что раньше занимались спортом. Не отстать, не потерять ребенка. Выехав из военного городка по Шкедскому шоссе в направлении Гробиня, нас предупредили: через 2 км будет бой. Наша машина была где-то в середине колонны, и мы оказались в центре боя.

Когда бой затих, казалось, я одна со Славиком среди убитых. Обрадовалась голосам матросов, которые говорили: «Вставайте, вставайте, кто жив».

Плен

29 июня утром выехали в Ригу. Заехали во 2-ую гор. больницу, т.к. среди нас был раненный мальчик Ильин, к счастью - легко. Встретил, вернее, вышел к нам после перевязки профессор Страдыньш, хирург, именем которого теперь названа эта клиника. Он сказал нам, что Даугаву нам проскочить не удастся, т.к. с минуты на минуту может быть взорван мост, и мы либо будем взорваны, либо утонем. Взглянув на меня, он сказал: «А вам ехать никуда нельзя. У вас живот опустился. Вы со дня на день родите. Если и удастся мост проскочить, дальше надо будет идти пешком. Вы истечете кровью». Я сказала, что мне и ребенка-то не во что завернуть. «Когда родите, позвоните мне и Вам все будет». Я стояла босиком, в драповом пальто. Славик одна нога в спортивной, вторая в одном чулке. Но при одной мысли, что наши уедут, а я добровольно останусь у фашистов, может никогда не попаду на родину, к своим, одна с 2-мя детьми на чужбине. Мне стало холодно. Охватил озноб. Я сказала профессору: «Я не останусь!» Не могу остаться. Славик подошел ко мне и говорит: «Мамочка, я так жить хочу...». Я неопределенно сказала: «Будем жить, сыночек».

Подъезжая к мосту, машина замедлила ход. Одна женщина выпрыгнула на ходу. Когда мы в машине приподнялись – увидели, что перед нами были немцы. Нас вернули обратно в эту же больницу. И когда мы сошли с машины и ступили на землю, я вдруг отчетливо ощутила: чужая земля под ногами. Мы теперь бесправные, беззащитные люди.

3 июля 1941 года в 7 часов утра родился сын Владимир. И не где-нибудь, а в больнице г. Риги. Я шла с новорожденным сыном Володей по городу босая, вместо отца с цветами - конвой с винтовкой и санитар.

Условия были ужасны. Детей укладывали спать на голом полу. Паек детям, как и нам, взрослым - как военнопленным: кусок хлеба, что и детям не хватало, и баланда. Славик при всех стеснялся проявлять любовь, но как-то я вышла за «пеленками», возвращаясь и вижу: Славик наклонившись обнял сверточек с братишкой и причитает: «Маленький ты наш. Хорошенький ты наш. Красивенький ты наш. Как ты не вовремя родился! Ну, уж раз родился - надо тебя спасать».

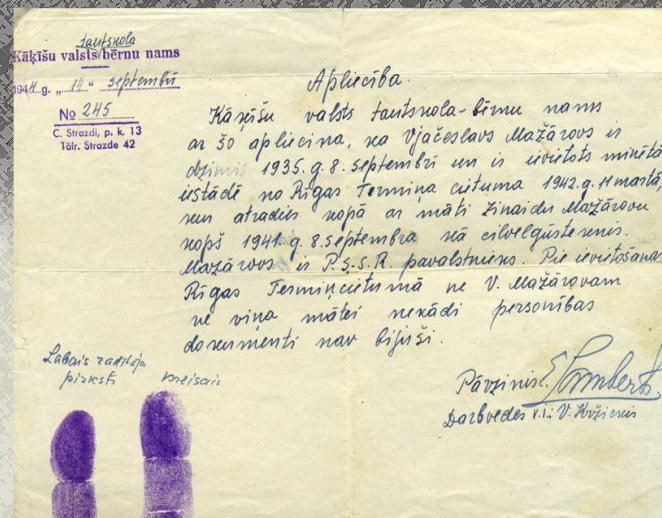
Славик

8 сентября 1941 года в день рождения Славика нас арестовали и посадили в тюрьму. Утром пришел удвоенный конвой и нас повели. Шли целый день, голодные, даже попить нечего, и это малолетние дети! Шли в тюрьму. Вот таков был день рождения Славика - 6 лет.

На наре мы втроем уместались, все теплее. К полгодику Вовик уже не кричал. Не смотря, что один раз в неделю - в среду давали «картофельный» суп, т.е. крахмальная жидкость. Я сливала в одну миску обе порции, отставивала крахмал, а воду сливала себе, насаливала и пила. А крахмалом пару дней кормила Вовика. Славик - истощенный шестилетний ребенок, мог стоять перед миской и не дотронуться: «Я так и знал, корми Вовика!». О, господи, все боялся, что я умру, в мою прозрачную воду подложит кусочек картофелинки: «Ты же умрешь, ты ничего не ешь». То прислушивается к братишке: «Мамочка, Вовик уже не дышит».

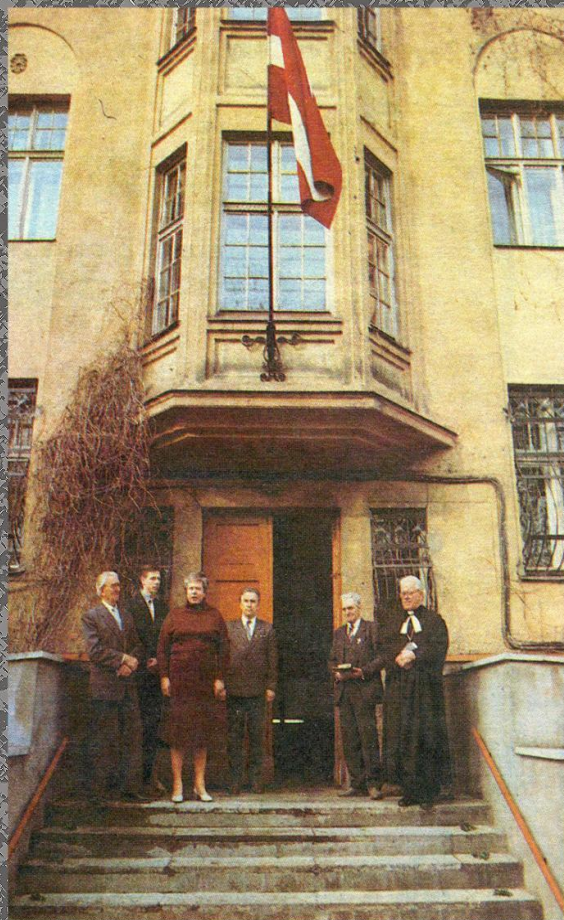
Детей у нас отняли 5 марта 1942 года. Сначала мальчиков 4 человека: один 14 лет, 11 лет, 9 лет и 6-летний наш Славик... Он шел последний. В летнем сереньком пальтишке, короткие штанишки, в туфлях большого размера... Шел на мороз, таким образом одетый. Шел в неизвестность, навсегда... Чтобы он никогда больше не увидел своих родителей, а мы своего сыночка... Держала я тогда на руках своего крошку Вовика на руках и вдруг почувствовала в кончиках пальцев колики. Я успела сказать женщинам, чтобы взяли Вовика - и меня стянули судороги. У меня появилась прядь седых волос. Мне было 25 лет.

Дней через 10 вдруг Славика приводят ко мне на свидание на несколько минут. Он оглянулся на дверь, убедился, что закрылась и из-за пазухи вынимает "пайку" хлеба и кружочек масла: "Это тебе, а это масло Вовику». Хлеб сэкономил, а масло не съел, утерпел для братишки. Не могла я взять у голодного 6-летнего ребенка хлеб. Но он заплакал: "Мамочка, возьми...»

перевод с латвийского

ШТАМП		УДОСТОВЕРЕНИЕ	
учреждения		Катинский государственный интернат настоящим удостоверяет, что Вячеслав Мажаров родился в 1935 году 8 сентября и помещен в настоящее учреждение из Рижской срочной тюрьмы в 1942 году 11 марта, где находился с матерью Зинаидой Мажаровой с 8 сентября 1941 года в качестве гражданского пленного. Мажаров является гражданином СССР. При заключении в Рижскую срочную тюрьму ни у В. Мажарова, ни у его матери никаких документов, удостоверяющих личности не было.	
1944 г. 14 сентября N 245			
Правый указательный палец	левый	Директор	— подпись
оттиски отпечатков пальцев		Делопроизводитель	— подпись

Володя

Вовик отошел и никакой надежды, что он будет жить уже не было. 11 июня 1942 года политзаключённых перевели в Центральную тюрьму г. Риги. Мне в кабине разрешили ехать. Я ребенка держала на «весу», чтобы не тряхнуть, чтобы не оборвалось дыхание, которого уже и не слышно и не видно было. Даже шофер (пожилой немец) ужаснулся увидев ребенка. Приехав в «Централку» я совсем потеряла надежду: корпуса обнесенные высокими заборами.

5 ноября 1942 года детей, которым исполнилось 1,5 года и больше, отбирали у матерей и вывозили из тюрьмы. Вовику исполнилось всего 1 год и 2 месяца... Вовик взяла и несла сама сестра. Он обнял одной рукой сестру, оглянулся, и так испытующе тревожно смотрел на меня! Этого взгляда я до конца дней своих не забуду. Я смотрела на него и думала: «не может быть. Этого не может быть! Я все равно найду его хоть на краю света!». Наша сестричка, как мы ее называли, потом сама убедилась, где находятся наши дети и дала нам адрес - Майори, Рижское взморье.

Матери давали друг другу слово - кто из нас будет жив - найти детей. Своему 6-летнему Славику внушала, чтобы не забыл имя братишки, отца и последний адрес, где мы жили в Либаве, и найти братишку, если меня не будет.

Лагеря

Меня, вместе с небольшой группой узников, привезли в конц.лагерь смерти «Саласпилс». Это был январь 1943 года. Не расстреляли. Значит есть надежда на жизнь.

Однажды летом в 1944 году в наш конц. лагерь привезли военнопленных. В основном это были калеки: кто без руки, кто без ноги. Оказывается, их перевели из лагеря военнопленных, который был неподалеку от нашего... для последующего расстрела. Вскоре в один вечер их начали вывозить и они уже понимали куда. Одну машину вывезут, расстреляют, и едут за следующей группой. А в бараке грянуло мощное пение советских песен. И так всю ночь. Пение стихало по мере уменьшения поющих. К утру пение стихло... И весь день перед лагерем горел костер, к небу поднимался столб черного дыма...

В лагерь я получила весточку от сыночка Славика на латышском языке. А на обороте на русском: «До свидания дорогая мамочка». И вложен был засушенный цветок - незабудка. О Вовике ничего не знала.

8 августа 1944 года на огромном товарном пароходе вывезли в Германию, в конц.лагерь смерти "Равенсбрюк". До Польши шли пароходом, в трюмах. По Польше ехали в товарниках. Где-то ночью высадили, где уже встречали нас конвоиры с овчарками. Гнали нас, только и было слышно: «Шнэль, шнэль!» И непрерывное тявканье собак, от которого многие годы и после войны при просмотре фильмов мне делалось плохо: ведь эти собаки не только охраняли, а рвали узниц. Итак пригнали нас в эту «фабрику» смерти – конц. лагерь Равенсбрюк.

Пройдя карантин, меня с партией узниц вывезли в Бельциг, на работы туда, где нога женщин не ступала. Каторжные труд, те же голод, холод и собаки. Если не сможет работать – добьют. Как-то ко мне подходит незнакомая девушка и говорит: "Помните, Вы в Саласпилсе говорили, что мы выживем? А что Вы теперь нам скажете?" «Я и сейчас говорю – выживем! Не все, конечно. Я выживу. Должна выжить: у меня 2-е детей. Вы только не падайте духом – и выживете».

Тогда я решила попытаться у рабочих немцев доставать газеты со сводкой о фронтах для поддержания духа. Это был очень большой риск, тем более, что при выходе с фабрики нас обыскивали. С фабрики в лагерь, из лагеря на фабрику нас водили под усиленным конвоем с собаками. Мне это удалось сделать. Именно за это впоследствии мне и была назначена персональная пенсия.

Освобождение

Я прижалась к стене и говорила себе: надо беречь силы. Коль не взорвали, значит будут выводить. Голова кружилась. Тут же стали строить нас для вывода из лагеря. Сердюкова предложила мне стать в конце колонны и взять тачку с рюкзаками надзирательниц, в которых, кроме их вещей, была и форма узниц для превращения. Где там тащить что-то в таком состоянии! Но она сказала, чтобы я только держалась, а она потащит: она-то в кухне работала.

Гнали нас быстро. Кто отставал - считали до 3-х и расстреливали. Сначала это было редко, а вскоре одну за другой расстреливали. Так что по трупам в полосатом видно было, куда вели заключенных. Все же, благодаря отставанию с тачкой, нам удалось уйти.

Остановились у деревни и нас сразу же заметили люди в незнакомой нам форме. Это были голландцы, служащие почты. Они нам предложили приют в сарае, который они сняли у хозяина. В нем, кроме группы голландцев, 2-3 русских девушки, бельгиец (по виду узник) с русской женой и мы.

Вот такой интернациональный коллектив в сарае. Ночью же русские нам принесли картошки. Так мы жили 10 дней. В ночь на 4 мая 1945 года в этот сарай на лошадях въезжают немцы... Мы, кажется, не дышали. На верху сарая остались 2 «СС-совца». Днем они вышли к калитке двора и вдруг бегут обратно к сараю. А за ними бегут с автоматами военные, тоже с погонами, но форма вроде наша. Слышу: «Куда ж ты бежишь,... (выругался)?» По-русски! Вот тут со мной было что-то непонятное. Я выбежала на улицу, увидев, идущие танки я бежала вдоль них и все кричала: русские, русские, пока меня кто-то из военных не остановил и начал сильно трясти. Я плакала. Кто-то говорил - «пусть поплачет». Кто-то говорил: «А почему она в деревянных колодках». Тут вышли наши из сарая со слезами радости.

4 мая 1945 года мы были освобождены нашей Советской Армией.

Домой

Военные нам сказали, что надо идти в Бельциг, потом до Познани, дальше в Брест-Литовск, где прошли фильтрационную комиссию. Отбирали грамотных, особенно знающих немецкий язык, поработать в Германии. При одном упоминании Германии – казалось умру. Я должна сначала детей найти не откладывая ни одного дня, как этого не понять. Все-таки разрешили ехать и дали удостоверение до 5 июля на бесплатный проезд. Добирались до Лиенаи таким образом целый месяц. Вспоминая все это страшное, пережитое удивляешься тому, сколько же человек может вынести и вытерпеть. Откуда такая сила в нем? Наверное, в правоте своей, в патриотизме. Великая сила в патриотизме. У советских людей был высочайший патриотизм. Это давало силы и поддерживало тех, кто был рядом с ними.

Добравшись, наконец, до Риги, сразу же пошли в Чрезвычайную комиссию узнать о детях. Там нам посочувствовали сказав, что дети вывезены в Германию, но конкретно о наших сказать не могут, т.к. много детей погибло в Саласпилсе. Наших детей там не было, значит надо искать. С тяжелым сердцем добиралась до Лиенаи, в которой меня ждала первая частица счастья: Славик был у Петерс М.В. Славика вместе со всеми детьми привезли из Талси в Лиенаю для отправки в Германию, поместив их вместе с «перемещенными лицами». Он ушел из этого лагеря, нашел (не сразу) Петерс М.В., которая и взяла его. Запомнил все-таки адрес. Ровно через месяц приехал папа, который прошел тяжелый путь войны, и приехал искать нас.

Все вместе

Владимира искали целых 2 года и нашли по счастливой случайности: в Германии из лагеря для «перемещенных лиц» по предложению поработать в детдоме из Латвии с радостью вырвалась Ирина Филиппова. Если бы не она... Началась борьба за возвращение наших детей на Родину. С точным адресом, данным И.Филипповой (г.Любек, м.Клингенберг) я написала письмо министру иностранных дел тов. Молотову В.М. Из Министерства быстро пришел ответ. И дальше завязалась переписка с Управлением по регистрации Объединенных Наций, Советской Военной Администрацией в Германии и борьба с военными властями английской зоны оккупации за возвращение советских детей на Родину. То получаю извещение от генерал-майора Юркина, что дети действительно есть в Клингенберге и будут возвращены, то отказ английских властей. Надо было доказывать документально, что матери граждане СССР и, что дети - граждане СССР. Там создавалась комиссия из лордов для установления национальности детей. Протестовала наша общественность в печати. Был протест ученых Латвии. И, наконец, долгожданная телеграмма: встречать сына Владимира в Риге 24 сентября 1947 года. Так были найдены и возвращены на наши дети на Родину. Так собралась вся наша семья, пройдя каждый из нас путь во время всей войны в неизвестности и тревоге. И опасности. Я считала себя счастливой матерью военного времени.

Гр-не МОЛАРОВОЙ З.С.
- Ленинградская ССР, г.Либава, Ир.Варона,
ул., дом. № 19, кв.8.

Войсковая Часть
ЮЛЕВАЯ ПОЧТА
— 96388 —
19. Ул. 19. 1947 г.
№ 1571

После продолжительных розысков нам удалось установить, что Ваш сын - Владимир Седорович МОЛАРОВ действительно находится в детском доме в м.Клингенберге, в английской зоне оккупации Германии. Но в передаче его, а также и других находившихся с ним детей, наши представители английские военные власти отказали, требуя предоставления им документальных доказательств подтверждающих, что разыскиваемый мальчик Владимир Седорович МОЛАРОВ является Вашим сыном. Ваши письма - письма матери - англичане не считают доказательствами Ваших прав на ребенка.

Нами предпринято ряд мер к возвращению Вашего сына. Одновременно просим Вас, если у Вас имеются свидетели о рождении Владимира или другой документ о его рождении, выслать мне копии этого документа для представления англичанам. Если у Вас имеются документы не о рождении, а Вы не можете восстановить их, сообщите мне где, когда и при каких обстоятельствах были утрачены эти документы.

Ваш ответ просим не задерживать, так как от него будет зависеть продолжительность нахождения сына вдали от Вас.

Кроме того, как нами установлено, вместе с Вашим сыном находится МУХАМЕДОВ Виктор и ГИРОВОЙ Николай. Матери Виктора МУХАМЕДОВА мы просили тоже что и Вам, и сожаление, мы не знаем адреса матери Николая ГИРОВОГО. Если он Вам известен, сообщите содержание этого письма и ей.

Местопробывание Виктора РАХВАЛОВА и Грии СЕРДИКОВ нами пока не установлено, так как все дети находящиеся в детском в Клингенберге и других детдомах, расположенных в районе Либавы, за исключением 6-8 человек, имеют нерусские фамилии и русского языка не знают.

Может быть матери Виктора РАХВАЛОВА и Грии СЕРДИКОВА смогут сообщить характерные признаки или какие-либо другие подробности о своих детях.

Все это облегчило-бы нам розыск детей и ускорило бы их возвращение к матери.

КОМАНДИР ВОЙСКОЙ ЧАСТИ
П.П. 96388
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР (подпись) /М.ИРИН/